

образования, само является в этих пределах воспитанием. И вуз, в том числе педагогический, там, где он осуществляя эту миссию, выполняет эту функцию через преподавание предмета.

Наиболее широко в вузе представлено интеллектуальное воспитание. Кроме того, в педуниверситете через факультет физической культуры - физическое воспитание, особенно на самом факультете. Особую роль в нашем вузе призвана сыграть кафедра педагогики: давая определенный уровень педагогической культуры, она воспитывает педагогический потенциал личности. К ней примыкает кафедра психологии.

Естественно, что все другие аспекты культуры в какой-то степени воспитываются в вузе через процессы образования и общения. Однако институционально многие культурные факторы воспитания находятся вне вуза. Что имеется в виду? Это политические, художественно-эстетические и некоторые другие культурные факторы воспитания, хотя частично они могут находиться в вузе в зависимости от его специфики. И вот в этих сферах особенно значимо должна проявиться воспитательная работа. Хотя, в принципе, - во всех.

Воспитательная работа - что это такое? Воспитательная работа - это организационные, методические, пропагандистские, психологические формы привлечения к культуре, которую мы хотим воспитывать. Воспитательная работа значительно уже явления воспитания, выступает его эпифеноменом (то есть сопровождающим фактором), но как действенный способ «доставки» культуры и приобщения к культуре, организационные методы работы и даже «мероприятия» включаются в систему воспитания, но не заменяют собственно воспитание. И вот на этом поприще воспитательной работы всем преподавателям, библиотекам, читальным, компьютерным, физкультурным и другим залам, администрациям, общественным организациям, деканатам, ректорату, административно-хозяйственной части есть где развернуться.

Остановимся на воспитательной работе в процессе преподавания культурологии, во-первых, и, во-вторых, на одном виде воспитания - художественно-эстетическом - и воспитательной работе в этом направлении. Заметим при этом, что самое воспитательную работу в означенной сфере художественно-эстетической не назовешь. В этом тоже разница феноменов воспитания и воспитательной работы.

О первой стороне дела. Чтобы преподавать культурологию, тем более мировую художественную культуру или эстетику как учебные предметы, для процесса интеллектуального воспитания нужны, кроме профессионального знания предмета, адекватные предмету средства доставки материала - современные средства и способы преподавания - от телевидения и видео до диапроекторов и слайдов.

О второй стороне дела. Чтобы состоялось художественно-эстетическое воспитание, необходим контакт с искусством. В учебном процессе некоторого контакта достигаем через наглядные пособия и ТСО. Однако воспитательная работа в этом направлении значительно шире: это целенаправленная работа по организации контакта с искусством. Тут много проблем, включая финансовые. В частности, на каком-то уровне они решаются как организация абонементов в концертные залы филармонии и выходов на театральные спектакли. Внутри вуза эти формы воспитания и воспитательной работы ограничены самостоятельностью и некоторыми художественными выставками. В целом же, контакт с искусством (кроме художественной литературы в библиотеках) институционально находится вне вуза и учебного времени, а ведь именно через восприятие и освоение искусства совершается социокультурный процесс эстетического воспитания.

Необходимо сказать ещё о третьей стороне дела. Она связана с воспитанием средой. Эта среда должна быть эстетизированной как в учебных аудиториях, лабораториях, столовых, помещениях кафедр, так и в студенческих общежитиях. Ободранные стены, протекающие потолки, свалки мусора, забитые фанерками окна, грязные вестибюли, неработающие туалеты и краны для воды и так далее - всё это воспроизводит нефункциональную, дискомфортную, эмоционально подавленную и далёкую от культуры личность. Изменить такое положение - и социальная, и эстетическая задача. Об этой стороне воспитательной работы как-то забывают.

Организация жизненного пространства функциональной, здоровой, эмоционально обогащённой личности (по принципу Ш. ле Корбюзье: жить, работать, отдыхать, передвигаться) - это всё входит в ту самую воспитательную работу, которая обеспечивает социокультурный процесс воспитания.

У ИСТОКОВ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Котляров А.Н., Можсаева Г.В.

XVIII век по праву считается временем становления национальной исторической науки в России. Процесс превращения средневековой российской историографии в научную в первую очередь базировался на внедрении новоевропейского рационального способа мышления. Сам процесс протекал как бы на двух уровнях: в виде упрочения так называемой большой или общерусской историографии и историографии провинциальной. Между этими субисториографиями устанавливались определенные взаимосвязи, одинаково значимые для исторической мысли в целом. Конкретно представить их формы и

важность для своего времени позволяет знакомство с творчеством Василия Васильевича Крестинина (1729 - 1795) и Ивана Ивановича Голикова (1734 - 1801).

Имя Ивана Ивановича Голикова, хорошо знакомое образованному обществу конца XVIII - первой половины XIX вв., в отечественную историографию вошло прежде всего благодаря его уникальному 30-томному сочинению о Петре I и его эпохе. Этот труд, написанный непрофессиональным историком, оказался наиболее значительным среди всех публикаций о петровском времени из работ, появившихся после смерти реформатора, и примерно на полвека определил основные направления в изучении истории Петра Великого.

Василий Васильевич Крестинин известен как знаток истории Русского Севера и одновременно как заметная фигура в масштабе всей русской исторической мысли. Первый этап исследовательской работы Крестинина связан с деятельностью созданного по его инициативе в 1759 г. в Архангельске "Вольного исторического для архангелогородских древностей собрания", которое стало первым историческим обществом в России. Среди единомышленников Крестинина оказались видные деятели архангелогородского посада, задававшие тон общественной жизни города - А.Фомин, Н.Зыков, П.Латышев, В.Нарышкин, А.Свешников.

Возникновение общества не было случайностью. Скорее, оно стало результатом развития науки, возрастающего интереса к прошлому и потребностей в просвещении народа. Общественные деятели второй половины XVII в. века искали организационные формы, которые дали бы возможность бороться за просвещение в условиях относительной независимости от государственного аппарата¹. Одной из таких форм и стали "вольные" научные общества, подобные архангелогородскому.

Члены общества ставили перед собой широкую задачу всестороннего освещения истории Севера, но на первых порах она оказалась сведена к простому собиранию и сохранению исторических материалов. На археографическую деятельность общество ориентировала ломоносовская анкета 1760 г., предлагавшая присылать в Академию науки местные исторические документы. В Архангельске и пригородных селениях члены общества провели большую собирательскую работу и обнаружили многие ценные документы, которые могли служить "дополнением Российской всеобщей и быть основанием особливою о здешней стране и городе истории"². Среди этих документов - уставные грамоты киевских князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, "Русская Правда" в пространной редакции, списки "Двинского летописца", множество актовых материалов из крестьянских архивов и т.д.

Необходимость собирания источников обосновывалась и научно-познавательными задачами. Крестинин четко понимал важность источниковой обеспеченности исторических трудов, пронизанных новыми методологическими подходами к изучению прошлого. У него сформировалось представление об источнике как свидетельстве или совокупности свидетельств, обеспечивающих познание прошлого. Источник - это "то, откуда черпают знания", - подчеркивал историк³. Наиболее достоверными источниками Крестинин считал "письменные свидетельства", "несумнительные сказания исправных свидетелей" и документы "магистратских и гражданских Архивов". Такое разграничение равносильно самостоятельной классификации источников, многие из которых Крестинин помещал в качестве приложений к своим сочинениям.

Крестинин создал ценное собрание грамот, уставов, редких законодательных актов, которые впоследствии активно использовал в исторических сочинениях, сохранил для науки ряд важных архивных документов по истории хозяйства России XVII-XVIII вв., по истории городов и торговли на Севере. Он начал широко вводить в научный оборот частные акты и наметил приемы их обработки. Признанием заслуг Крестинина в области российской истории стало избрание его в 1786 г. корреспондентом, а в 1790-м - почетным членом Академии наук, о чем он получил личное уведомление от директора Академии Е.Р. Воронцовой-Дашковой.

Будучи типичным представителем провинциальной исторической науки, Крестинин не оставил крупных общероссийских исследований. Да это и вряд ли было возможно для него - местного историка, жившего в глубокой провинции, вдали от крупных научных и культурных центров страны. Его место в отечественной историографии, вклад в русскую историческую науку определяются прежде всего тем, что с именем этого ученого связано становление исторического краеведения.

Крестинина иногда причисляют к рангу просветителей. Действительно, ему были присущи интерес и глубокая вера в силу человеческого знания, в возможность организации общества на разумных началах, создания справедливых законов, отвечающих требованиям высокой нравственности и интересам народа. Он был убежденным поборником просвещения народа, "указывал на необходимость в процессе обучения воспитывать граждан, которым известны законы, права в обществе"⁴. Но социально-политические убеждения и философско-исторические представления Крестинина не укладываются в идеи Просвещения.

Во второй половине XVIII столетия делались первые попытки связать в единый исторический процесс старое и новое, определить "пользу" исторических знаний, их практическую и воспитательную

роль, выяснить политический опыт истории. Во время царствования Екатерины II наблюдался переход от "писания истории" к "изучению" ее. Исторические знания приближались одновременно и к запросам практической жизни, и к науке. Одним из наиболее характерных направлений развития исторической мысли второй половины XVIII в. стало расширение тематики исторического исследования в сторону экономических и социальных вопросов, в то время как в дворянской историографии предшествующего периода акцент ставился на развитие культуры, нравов, быта, на историю государства. В связи с этим возростала роль исторического источника, что проявлялось, с одной стороны, в увлечении коллекционированием, а с другой - в постановке задачи критики источника. В исторических исследованиях особое значение приобретало включение источника в решение проблем познания, осмысления исторического процесса.

Провинциальная историография становится во второй половине XVIII в. полноправной участницей процесса превращения исторических знаний в науку. Однако она не может быть сведена к краеведению, так как проблематика работ провинциальных историков значительно шире. Это не только "местные истории", но и попытки заглянуть в наиболее значимые с их точки зрения события общероссийского масштаба. В тематике сочинений В.В.Крестинина, И.И.Голикова и их соратников размышления об общероссийских делах, о монархической власти и правительственной политике соседствуют с темами истории города, ремесел, торговли. Как справедливо отмечала А.А.Севастьянова, в работах русских провинциальных историков "тесно переплетались элементы рационализма и идеи просветительства, новые, часто стихийные тенденции буржуазного мышления и старые, архаические схемы средневековья"⁵.

Конечно, и у Крестинина, и в большей степени у Голикова явно просматривается своеобразный эклектизм, связь с прежними историческими концепциями. Вместе с тем, в их трудах вырастает собственная национальная модель рационалистической исторической мысли. Особенно это заметно в работах Крестинина. Его философия истории не отличается особой сложностью и новизной для своего времени. У него еще не изжит провиденциализм; он верит в религиозную предначертанность исторического пути и дает порой религиозное объяснение исторических событий. Таким образом, у него складывается религиозно-политическая концепция, одним из важных положений которой становится вера в неизбежность абсолютной монархии в России.

Провинциальные историки вносили свою лепту не только в расширение конкретно-исторической проблематики и источниковой базы, но и в понимание предмета и задач истории. На формирование их взглядов на задачи истории как науки и историка как исследователя серьезное влияние оказала тематика исследований. Крестинин, например, выступал как типичный рационалист и прагматик. Рассуждая о предмете и задачах истории, он проявлял разумную последовательность, отмечая практическую и воспитательную роль истории, делая попытки определить "пользу" исторических знаний. "Кто достопамятных бытностей не знает, тот завсегда разумом младенец", - писал историк. Он подчеркивал, что "небрежение и презрение древностей" препятствует изучению истории и уничтожает память о делах предков, среди которых были "достоинные отечества сыны"⁶.

В работах Крестинина, Голикова и других провинциальных историков нашли отражение массовые представления о прошлом. В сознании людей этого времени уже начинало складываться определенное понимание историзма, что делало их представления о прошлом и настоящем более объемными. Бытовавшие в среде горожан взгляды становились близки и понятны историкам, вышедшим из городской купеческой среды, и отражались в их сочинениях. Общественно-политическая деятельность историков также накладывала отпечаток на их научные труды. Крестинин, например, принимая участие в практической жизни города, разрабатывал новую для историографии того времени тематику исторических работ: на местном материале он создавал историю торговли, купечества, промыслов, посада, черносопного крестьянства русского Севера. Присутствовавшая в сочинениях провинциальных историков архаичность была, скорее всего, проявлением уровня массового исторического сознания, преобладавшего в русском обществе во второй половине XVIII в.

В исторической науке в то время утверждался рационалистический подход к изучению прошлого, ставилась задача целостного рассмотрения истории государства Российского. Ученые все чаще оперировали понятиями причинности, взаимной связи явлений прошлого, их обусловленности. В это время освещение истории приобретало все более прагматический характер, когда простое перечисление фактов уже не удовлетворяло интересов автора. Наиболее важным казалось выявление причинно-следственных связей между событиями, их рационалистическое объяснение. Правда, в основе этих объяснений по-прежнему лежало преувеличенное представление о роли монархов и других выдающихся личностей.

Именно этим объясняется то, что одним из важнейших вопросов истории становится вопрос о петровских преобразованиях и личности Петра Великого. Исследовательские интересы Крестинина и Голикова в определенной степени были связаны с историей того сословия, которому принадлежали они

сами. Интересы купечества определили, скорее всего, и отношение историков к Петру I и его политике: они особенно ценили Петра I за содействие развитию торговли и промышленности и возвышение купечества.

Голиков и Крестинин - наиболее видные представители провинциальной историографии второй половины XVIII в., которая если и уступала "большой", имперской, то лишь "в мастерстве интерпретации источников и в применении приемов их исследования"⁷. Она отличалась прежде всего широтой и многообразием привлекаемых материалов. Подтверждением тому является труд Голикова "Деяния Петра Великого", представляющий собой прежде всего фундаментальную публикацию источников, относящихся к петровскому времени. Заслуга автора состоит в том, что он собрал многочисленные архивные и печатные источники царствования Петра I, обработал большое количество народных преданий и анекдотов о Петре, чем, несомненно, способствовал распространению сведений по истории петровского времени.

Голиков проводил тщательную проверку достоверности сведений, сообщаемых его предшественниками и современниками, рассматривая источник как важное средство познания прошлого. Эта просветительская позиция вступала в глубокое противоречие с провиденциализмом, который определял методологическую позицию Голикова. Его несомненное знакомство с основными приемами критики источника, выработанными Шлецером и Болтиным: сравнение и исправление погрешностей, поиск смысла и истинности источника, - ограничивалось явным нежеланием давать на основании публикуемых источников собственное объяснение как отдельным историческим событиям, так и общей логике исторического развития.

В отличие от Крестинина, Голиков, в целом проявляя пиетет к источнику, по сути игнорировал достижения современной ему историографии в области трактовки событий и методологического подхода к их объяснению.

Труды И.И. Голикова были подчинены определенной мировоззренческой установке и историко-философской ориентации. С этой точки зрения провинциальный историк демонстрировал стойкую приверженность к государственной мифологии XVIII столетия с характерной для нее сакрализацией императорской власти и взглядом на Петра I как создателя новой эпохи.

В контексте общего историографического процесса сочинение Голикова о Петре I можно рассматривать как прямой результат усилий самого царя, направленных на внедрение в традиционную русскую культуру новоевропейского научного сознания. Петровский эксперимент положил начало формированию в XVIII в. своеобразной национальной модели рационалистической исторической мысли. Господствующий на данном этапе стиль мышления концентрировал внимание историков на "образе правления", свойственном России как одной из европейских держав. Центральное место в этих характеристиках занимали "деяния" монархов, то есть прежде всего их умение управлять народом для всеобщей пользы.

Другая особенность ранней рационалистической ментальности - установка на зрелищно-назидательный эффект - способствовала восприятию "деяний" как свода положительных и негативных примеров. В зависимости от своего опыта, авторы XVIII в. освещали разные аспекты деятельности государей. Эти различия определили своеобразную специализацию в исследовательском труде. Изучение роли правителей и дворянства в общегосударственном масштабе занимало имперскую историографию. Провинциальная историография дополняла ее освещением политики монархов в отдельных землях, в сословном строительстве, в экономической и других сферах.

Провинциальным историкам было свойственно чувство некоторой социальной неполноценности, связанное, очевидно, с отсутствием упорядоченного образования и своеобразным провинциализмом. Задачи своей исследовательской деятельности они видели в основном в сохранении и извлечении на свет исторических источников, в изучении региональной истории. Они считали себя не в праве претендовать на толкование общероссийского прошлого, но в оценке местных событий проявляли спокойную уверенность и демонстрировали собственное превосходство над столичными авторитетами.

В советской исторической литературе сложилось достаточно прочное утверждение о В.В.Крестинине и И.И.Голикове как представителях "раннебуржуазной историографии"⁸. Основанием для подобных выводов было прежде всего расширение в их сочинениях исследовательской тематики, включение экономических и социальных вопросов, а также обращение к новым видам исторических источников: актам, документальному материалу, писцовым книгам и т.д.. Недворянским было и социальное происхождение историков: оба - выходцы из купеческих семей, переживших банкротства. В.В.Крестинин и И.И.Голиков не принадлежали к числу профессиональных ученых и считали себя самоучками; их отличала целеустремленность, удивительная работоспособность и "врожденная страсть" к научным знаниям, которая помогала и в документоведческих поисках, и в исследовательской работе.

В свете перечисленных признаков буржуазности названных авторов вольно или невольно создавался эффект их противопоставления господствовавшей в XVIII веке дворянской историографии в качестве

течения, потенциально более прогрессивного. Данный вывод неизбежно вытекал из сознательной ориентации на сугубо социологическое истолкование историографических феноменов. Однако подобный подход явно не обеспечивал желаемой ясности социально-классового определения, постоянно вызывая многочисленные противоречия в трактовке воззрений и методов претендентов на роль буржуазных историков.

Большее внимание к уровню и особенностям научности знаний последней четверти XVIII века помогает, на наш взгляд, выйти из интеллектуального затруднения. Очевидно, что научные поиски провинциальных историков и представителей общерусской историографии находились в плодотворном взаимодействии, не только не конкурируя, но и взаимно дополняя друг друга.

Исследовательская работа, воззрения и форма трудов В.В.Крестинина и И.И.Голикова передают не только особенности их личного пути в науке, но и важные аспекты российского историографического процесса второй половины XVIII века в целом. Конечно, с высоты развития исторической науки конца XX столетия сочинения Крестинина и Голикова утратили свое значение даже с точки зрения введения в научный оборот исторических источников. Но их жизнь и труды принадлежат XVIII веку, и для своего времени они безусловно способствовали распространению исторических знаний, обеспечив исследования источниковой базой.

Деятельность провинциальных историков играла важную роль при подготовке обобщающих работ, т.е. оказывала воздействие на развитие общероссийской историографии. Этому способствовало активное освоение провинциальными историками опыта "общей" историографии России. Под ее непосредственным влиянием формировались взгляды ученых-провинциалов на задачи науки, методы работы с документами, периодизацию, историософские вопросы. Для общерусской историографии, в свою очередь, огромное значение имело пополнение усилиями В.В.Крестинина, И.И.Голикова и их соратников корпуса отечественных источников, знакомство с конкретными материалами и выводами этих авторов. Тем самым провинциальная историография вносила свой вклад в осмысление стержневой темы для российского исторического сознания - национально-исторической специфики своей страны.

1. Степановский А.Д. Первые исторические общества в России// Вопросы истории. 1973. №12. С.205.
2. Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. Спб., 1792.с.246.
3. Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. Спб., 1785.с.4.
4. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIIIв. Ярославль, 1988. С.17.
5. Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII в. (К постановке проблемы)// История СССР. 1991. №1. С.140.
6. Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве ...с.15.
7. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография ... с.14-15.
8. См. напр.: Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965.с.142-143; Пронштейн А.Б. Источниковедение в России : Эпоха феодализма. Ростов - на - Дону, 1989. С. 350. и др...

ПОЛЯКИ В СИБИРИ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ (1917 - СЕРЕДИНА 1918 ГГ.)*

Нам И.В.

После Февральской революции 1917 г., которая возродила вековую мечту поляков о восстановлении национальной независимости, социально-политическая жизнь поляков в Сибири, как и во всей России, чрезвычайно активизировалась. Повсеместно возникают организации и общества различных направлений (культурно-просветительные, благотворительные, военные, профессиональные, политические и т.п.), развернувшие бурную деятельность. Так, в мае в Новониколаевске (ныне Новосибирск) образовалось «Огниско польское», в Канске - «Огниво», в Томске - Польский народный дом. Их возникновение было обусловлено стремлением поляков к национальному единению, резко обостренному в условиях изгнания.

Особенностью польских организаций политического характера в Сибири было то, что размежевание в их среде происходило преимущественно по двум лагерям: близкому к левым кадетам либерально-демократическому, к которому тяготели группы ППС-«фракции» и некоторые деятели ППС-левицы, и социал-демократическому (большевистскому), к которому примыкали члены СДКПиЛ и часть левищевцев. К либерально-демократическому направлению принадлежали, в частности, Польский демократический клуб в Томске, Польско-литовский народный союз в Новониколаевске, «Польская объединенная демократия независимости Польши» в Красноярске. В Иркутске на первых порах не

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00516)